

В. Острогорский

Михаил Васильевич Ломоносов

(Род. в 1712 г., ум. в 1765 г.)

На дальнем севере, в Архангельской губернии, близ города Холмогор, в небольшой деревне Денисовке, еще в царствование Петра Великого жил зажиточный рыбак Василий Дорофеев. У него от жены, дьяконовой дочери, грамотной и неглупой женщины, родился сын Михаил, прозванный впоследствии Ломоносовым. В этом крае ходило много рассказов о пребывании царя Петра в архангельских и олонецких тундрах, и имя государя-богатыря, вместе с разукрашенным народным воображением его чудными подвигами, с детских лет стало близко Ломоносову. Отец часто брал с собой сына в отдаленные рыбные промыслы по Белому морю и океану. Природа с величественными северными сияниями, бурями, ледяными глыбами, с отважной ловлей китов и опасностями дальних плаваний производила на мальчика сильное впечатление. Закалив сызмала характер, она сделала его смелым и любознательным. Необыкновенно способный от природы, Ломоносов отлично выучился грамоте, и чтение церковных книг, которые разъяснял он и взрослым, стало любимым его занятием. Первыми и единственными светскими книгами юноши были напечатанные в Петербурге славянская грамматика Смотрицкого да арифметика Магницкого. Он выучил их наизусть и впоследствии называл *вратами своей учености*. Слыша часто от заезжих людей о школах в Москве, Петербурге и Киеве, Ломоносов страшно захотел учиться, и, когда померла у него мать, а отец женился на другой, сварливой, злой и невзлюбившей пасынка, юноша, которому было уже 18 лет, задумал бежать за наукой в Москву.

В декабре 1730 г. он добыл себе паспорт и три рубля у соседа займа и с рыбным обозом, терпя на пути великую нужду, кое-как добрался до столицы. Там, с помощью какого-то монаха, поступил он в цифирную школу при Сухаревой башне учиться арифметике. Но захотелось ему больших познаний в разных науках, и он прямо явился к тогдашнему московскому архиерею, прося принять его в Заиконоспасское училище для изучения *словено-греко-латинских наук*. Это училище, или Академия, основанное еще при царе Феодоре Алексеевиче при Заиконоспасском монастыре, было тогда единственное высшее учебное заведение в Москве. Способности юноши, которому шел уже 20-й год, обратили на себя внимание архиерея, и Ломоносов был принят под именем поповского сына, так как мужицких детей туда не принимали. Страшную нужду приходилось выносить ему здесь целых пять лет, существуя всего на три копейки медью в день, выдаваемые из Академии; немало было насмешек от школьников, глумившихся над двадцатилетним болваном, пришедшим учиться с малолетками. Но и лишения, и насмешки, и укоры отца, узнавшего, наконец, о пребывании сына в Москве и настойчиво звавшего его домой, — все вынес Ломоносов для любимой науки. Благодаря упорному труду и блестящим способностям, он преодолел школьную латино-греческую мудрость на удивление всей Академии. Мало того, не довольствуясь уроками в классе, все свободное время проводил он в монастырской библиотеке, где с особенным интересом читал книги по математике и физике. Услышав, будто науки эти проходятся подробно в Академии киевской, он стал у начальства проситься туда. Его отпустили, но и там не нашел Ломоносов удовлетворения своей любознательности. Перечитав в богатой библиотеке много хороших книг, он менее чем через год вернулся в Москву, где его едва не посвятили в попы. Как раз в это время, в 1734 г., Ломоносов, в качестве способнейшего ученика, был вызван в Петербург в гимназию при Академии Наук, учрежденной императрицей Екатериной I по мысли Петра Великого. Преподавание в этой гимназии было в руках почти исключительно немцев-академиков, выписанных из Германии, так как учителей русских у нас еще не было, и чуть не все преподавание шло на латинском языке, основательно известном

Ломоносову. Здесь, наконец, удалось ему ознакомиться с химией, физикой и минералогией, и через два года, в 1736 г., он был, как лучший студент, отправлен для дальнейшего изучения науки, и особенно металлургии, за границу в Марбургский университет к знаменитому профессору Вольфу. Вольф с первого же знакомства с русским студентом увидел его необыкновенные способности, и целых три года проработал Ломоносов под руководством славного учителя. По совету Вольфа же в 1739 г. он отправился в Оренбург и работал целый год практически во фрейбургских рудниках, а затем еще год занимался естественными науками в Марбурге. Таким образом целых пять лет прошло для него в упорном труде за границей, и таким стал он ученым человеком, что, по выражению его профессоров, им по справедливости гордилась бы всякая просвещеннейшая страна. Из русских же людей такого широкого образования не получал еще до Ломоносова никто, да и до настоящего времени, когда с его смерти прошло около ста сорока лет, немногие могут сравниться с ним по своим способностям и разносторонним знаниям.

В свободное время от занятий научных интересовался он также и немецкой поэзией, которая в то время отличалась особым высокопарным направлением, известным под именем *ложно- или псевдоклассического*. Это направление заимствовано у французов, заключалось в подражании поэзии греко-римской и особенно проявлялось в модных в то время напыщенных стихотворениях на торжественные случаи, так называемых одах. Таких стихотворений у нас еще в России не писали, и вот Ломоносов, угнав в Германии о взятии русскими войсками турецкой крепости Хотина, пишет сам первую русскую оду на *взятие Хотина* особым новым тоническим стихом и посылает ее в 1739 г. в Петербург в Академию, где президент тогдашний, барон Корф, велел ее напечатать и представил, как первое русское звучное стихотворение, императрице Анне Иоанновне. Вслед за императрицей все хвалили автора, и имя его несколько дней гремело в Петербурге, как имя первого русского стихотворца. А между тем положение молодого ученого в Германии было очень печальное. Академия высылала деньги на его содержание скудные и с большими задержками, так что и одному-то прожить было очень трудно, а тут еще он женился на дочери бедного марбургского портного; родилась дочь, он совсем запутался в долгах, и, чтобы не попасть в тюрьму, решился бежать в Голландию, думая оттуда пробраться в Россию. Но на дороге встретился он, как говорят, с прусскими вербовщиками, которые, прельстясь его большим ростом и силой, напоили его пьяным и заставили поступить в солдаты. Бежав из крепости, куда поместили его под крепким присмотром для обучения воинскому делу, он пробрался кое-как, питаясь на пути подаянием, в Гаагу к русскому послу, графу Головкину. Но Головкин наотрез отказал в помощи и не хотел принимать никакого участия в бедном студенте. Ломоносов явился в Марбург обратно нищим, поселившись потихоньку у товарищей, откуда и написал откровенное донесение о своей судьбе в Петербургскую Академию. Оттуда прислали деньги на переезд, и 8 июня 1741 г. он приехал в Петербург один, выписав сюда жену с дочерью только впоследствии, когда дела его несколько устроились. Неприветно встретила своего питомца, которым должна была бы гордиться, Академия и только через полгода по его приезде назначила его адъюнктом (помощником профессора) химии с жалованьем в 360 р. в год. Но выдавали его крайне неаккуратно, да еще часто не деньгами, а книгами, которые приходилось самому продавать за гроши. Таким образом прожил Ломоносов первую половину своей жизни, отдав всецело всю вторую, до самой смерти, службе в Академии, где он и читал лекции, и производил опыты по химии и физике, и участвовал постоянно в ученых собраниях, и говорил торжественные речи по разным научным вопросам, и управлял университетом и гимназией, и писал книги, статьи, всякие планы и проекты, — словом, отдал всего себя на служение русскому просвещению. Трудна была доля этого первого русского ученого. Академия, состоявшая почти сплошь из немцев, не хотела признать великих заслуг русского человека; профессора из русских завидовали его славе, и все вместе всячески старались доставить ему неприятность и мешать его благим начинаниям. Да и сам Ломоносов, всегда прямой, резкий характером и самолюбиво

знавший себе цену, не мог ужиться с немецкими и даже русскими учеными, для которых собственные выгоды, чины и оклады были дороже науки и пользы России, и беспрестанно со всеми ссорился. Разочаровался он и в знатных покровителях, у которых искал поддержку русскому просвещению: вельможи обоих царствований, Елизаветы и Екатерины II, только ласкали его, обнадеживали обещаниями, но все его предложения или откладывали под разными предлогами в долгий ящик, или исполняли только наполовину. Все эти вельможи были сами слишком мало образованны, чтобы оценить Ломоносова, и слишком мало жили и любили Россию, чтобы настойчиво добиваться необходимого для нее просвещения. Горько разочарованный в своих надеждах на близкое распространение в России наук, Ломоносов хотя и продолжал работать в Академии, но уже далеко не с той энергией, как прежде.

В июне 1764 г. посетила Ломоносова в его квартире, вместе с его покровителем Шуваловым, императрица Екатерина II и, осыпав его милостивыми словами, изволила рассматривать производимые им мозаичные работы для памятника Петру Великому, а также и изобретенные им физические инструменты и некоторые физические и химические опыты. Но высокая честь выпала уже слишком поздно. Железное здоровье Ломоносова было подорвано, и меньше, чем через год, на второй день Пасхи, 4 апреля 1765 г., он скончался, сказав незадолго до своей смерти: «За общую пользу и особливо за утверждение наук в отечестве и против отца восстать за грех не поставлю... Я посвятил себя к тому, чтоб до гроба моего с неприятелями российских наук бороться, как уже борюсь двадцать лет, стоял за них смолodu, на старости не покину... Я не тужу о смерти — пожил, потерпел, и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют». Похоронили Ломоносова с большою торжественностью в Петербурге, в Александро-Невской лавре, где и поставлен ему мраморный памятник.

Современники и даже потомки до настоящего XIX столетия считали Ломоносова прекрасным стихотворцем и особенно ценили его оды. Но творческого, поэтического дара в нем было очень мало, и писал он большею частью по заказу на торжественные случаи, как, например: на победы русского оружия, на вступления на престол государынь, их тезоименитства и т. п. Только там, где он говорит о Петре Великом, об его дочери Елизавете, о мире, как неременном условии процветания наук, громадности пространства и природе России, об ее естественных богатствах, требующих для добывания и обработки их науки, он проникается чувством, и стихи его отличаются силой и задушевностью, как, например, в лучшей его оде: «*На восшествие на престол Елизаветы Петровны*» (1747). Более всего удавались ему оды духовные, как, например, переложение псалмов, из книги Иова, и особенно «*Утреннее размышление о Божием величестве*» и «*Вечернее размышление при случае великого северного сияния*», где приходит любимая мысль поэта о том, что изучение великих явлений природы лучше всего может помочь нам уразуметь величие и премудрость Творца.

Во время, когда жил Ломоносов, и долго еще после его смерти в России не понимали главных заслуг его — научных. Прежде и более всего он был гениальный и разносторонний ученый, глубоко сведущий в науках и природе и языкознании. С громадными сведениями он соединял в себе самую горячую любовь к России (патриотизм) и думал только о том, чтобы распространением научного естественно-исторического образования приготовить у нас людей, которые сумели бы воспользоваться теми богатствами, коими наделила Россию сама природа. Он понимал, что земледелие, лесоводство, скотоводство, мореплавание, горное дело, особенно им любимое, могут обогатить Россию и требуют только образование, искусством утвержденных рук. Поэтому-то он много хлопотал о преобразовании Академии и академической гимназии, способствовал открытию в 1755 году первого русского университета, Московского, настаивал на открытии университета в Петербурге, доказывал необходимость особого мозаичного заведения, подавал целый ряд проектов и о поднятии нашей северной торговли и об уменьшении в России смертности («*Рассуждение о размножении и сохранении российского народа*»), обращая

внимание на невежество и бедность народа и предлагая разумные меры к поднятию его благосостояния и оздоровления. Выйдя из народа сам, Ломоносов хотя от него и оторвался образованием и деятельностью, но всегда имел в виду его благо, тем более, что пятилетнее пребывание в Германии дало ему возможность на живых примерах тамошнего народного благосостояния видеть всю пользу широкого распространения в народе просвещения. Но этой-то пользы образования и не понимали в то время люди, к которым за поддержкой обращался Ломоносов, и его проекты и широкие требования распространения знаний, кои одни только могут облагородить и обогатить страну, мало-помалу начинают осуществляться у нас только теперь, более чем через сто лет по его смерти. Но если тогда ничего и не удалось сделать Ломоносову для утверждения в России любимых им естественных наук и вообще широкого распространения просвещения, то сделано им очень много для изучения нашего языка. Он в этом отношении — первый наш учитель. Им в 1755 г. были составлены: первая русская *грамматика*, первый у нас *учебник словесности*, т. е. науки о сочинениях — *риторика*; им утверждено навсегда в России *тоническое*, основанное на равномерном распространении ударений, стихосложение и доказана его пригодность звучными стихами, восхищавшими современников, — стихами, каких до него не писал еще никто; им строго отделен от русского языка язык *церковнославянский*, и даны *первые образцы правильной книжной речи*, так что Ломоносов по всей справедливости признается отцом всей нашей русской светской литературы. Как человек вполне русский, он и до сих пор остается поучительным примером того, как нужно любить родину в неустанных заботах об ее пользе и просвещении.